

совести говорит о высшем взлете нравственно-философских интуиций Иванова, которые во многом определяют характер его творческой деятельности в зарубежный период.

Библиографический список

1. *Аверинцев С. С.* «Скворешниц вольный гражданин...» Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2001.
2. *Бердяев Н. А.* Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М., 1994. Т. 2.
3. *Буева Л. П.* Дионисийство как культурно-антропологическая проблема (Вариации на темы Вяч. Иванова) // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999.
4. *Егоров Б. Ф.* Вячеслав Иванов и славянофилы // Русский текст СПб., 1993.
5. *Милюков П.* Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев // Милюков П. Из истории русской интеллигенции. Сборник статей и этюдов. Изд. 2-е. СПб, 1903.
6. *Соловьев Вл.* Соч.: в 2-х т. Сост., общая ред., вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. М., 1988. Т. 1.

Т. В. Ковалева

Орловский государственный университет

ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ В СБОРНИКЕ

И. А. НОВИКОВА «ДУХУ СВЯТОМУ»

Имя Ивана Алексеевича Новикова в представлении широкого круга читателей связано с романом «Пушкин в изгнании», но свою творческую деятельность он начинал как автор поэтического сборника «Духу Святому», опубликованного издательством «Гриф» в 1908 году.

В центральной части книги были помещены лирические произведения, объединенные автором под названием «Миф». Именно в них И. А. Новиков изложил свои представления о природе, о месте и роли человека в общем движении жизни, о вечных для русской поэзии поисках гармонии бытия.

В одноименном стихотворении, открывающем цикл, автор не только рисует картину первозданной природы, но и стремится осмыслить проблему: насколько постижимы ее законы человеком. Лирический герой Новикова – истинный сын своего века, рефлексирующий и страдающий, – готов ощущать себя частью окружающего мира: «Деревья пристально молчат, / Застыли ветви в гимне чуду. / И вот – войду в их тихий ряд, / И вот – застывшим чудом буду» (2 : 33). Он понимает, что, только слившись с природой, он сможет излечить свою душу, победить «непонятую тоску», почувствовать чудо обновления. Но оказывается, что стать частью мира можно только после обращения к Богу. Высшая сила помогает лирическому герою раствориться в гармоничном и прекрасном мире, стать «братом» и «другом» деревьев, услышать «соков легкий бег», приоткрыть «незримость тайн земных». Он понимает, что природа живет по иным законам, сохраняя в себе Божественное

начало, которое утрачено человечеством. При этом до конца постичь законы природы человеку не дано, так же, как не дано остаться в мире красоты и гармонии: «Но не умел сдержатъ свой крик, – / Не – человеком вострепенуться...» (2 : 34)

Мир людей возвращает лирического героя в городской быт, противопоставленный жизни природы, где «все в понятном непонятно». И только открытая им истина изменяет отношение к миру людей: он ощущает себя отличным от других, тех, кому не дано приближение к Высшей гармонии: «И здесь – опять в кругу людей, / Смотрю зелеными глазами...» (2 : 36)

Уже в этом первом стихотворении цикла проявляется символистская установка поэта: смутное сознание обычного человека может быть разорвано соприкосновением с идеальным, если ему дано ощутить его, но при этом ему не дано до конца слиться с природой, в которой присутствует Бог «един / В своем дробленьи беспредельном». Избранник Бога несет в своей душе свет прикосновения к Высшей красоте, но он заперт в круге условностей и не может его преодолеть.

Для поэтического мира И. А. Новикова характерно стремление подчеркнуть неразрывность связей мира природы и Божественного начала. И выражается это с помощью прямых аналогий. Так, в стихотворении «Еще земля одета в иной...» весеннее небо вызывает у лирического героя ассоциации с куполом храма: «Но уж смеется воздух синий, / И купол неба – точно храм» (2 : 39), в стихотворении «Раннею весной» месяц уподоблен «бледной молитвенной свечке», снег на карнизах напоминает белоснежные ризы в стихотворении «Зима просыпалась, звеня...», поляна, как церковь, «солнцем залита» в лирической зарисовке «Со смехом дети убежали...» и т. д.

В пейзажной лирике И. А. Новикова почти нет произведений трагического звучания, что, очевидно, связано с общей жизнеутверждающей концепцией вечно обновляющейся природы в творчестве поэта. Из годового календарного цикла он выбирает, как правило, те периоды, которые связаны с переходными процессами: начало весны («Опять зеленый хоровод...», «Раннею весной», «Оттепель», «Еще земля одета в иной...» и др.), начало осени («Тонкие осенние былинки...», «Скат холмов еще так зелен...»), переход от ночи к утру («В теплые краски одета заря...», «Заря», «Тонкий месяц угасая...»), от вечера к ночи («Белая башня в небо уходит...»).

Динамические состояния привлекают поэта своей безусловностью и неоднозначностью. Так, в стихотворении «Оттепель» на фоне мрачного ночного пейзажа у лирического героя возникают двойственные ощущения: «Всю ночь со звоном капли пели / Невнятно, грустно и одно. / Виденья смутные белели, / Кивая с жалобой в окно» (2 : 38). Звон капли, как правило, ассоциируется в поэзии с солнечным днем и началом пробуждения природы, но у Новикова он связывается со «смутными виденьями», «двояким бледным образом», с грустным и однообразным пением капель. В совершающемся ночном преображении природы нет противоречий, так как все предопределено свыше, но настроение лирического героя, определяемое процессами, происходящими в природе, характеризуется одиночеством и тоской, ощущением необратимых перемен: «И чудилась в прозрачном мраке / Немая греза о весне...» (2 : 38).

В стихотворении «Раннею весной» вновь раскрывается представление поэта о природе как едином живом организме, в котором все взаимосвязано и подчинено

общему закону. Божественность природного движения подчеркивается введением христианских ассоциаций: «Голубеет даль полей за речкой, / Лес подернулся таинственной фатой, / Бледною молитвенною свечкой / На небе зажегся месяц золотой» (2 : 40).

Своеобразным лейтмотивом стихотворения становится образ ребенка, которым маркированы первая и последняя строфы: «В звонах от задумчивых вечерен / У порога жизни бьет дитя-весна в ладошки...» и «Замерли, баюкая, отзвуки вечерен, / Детским сном заснули маленькие почки» (1 : 40). Образ ребенка, восходящий к библейской традиции, необходим был автору для того, чтобы подчеркнуть чистоту природного мира, его невинность и непорочность.

И. А. Новиков усложняет содержание своего произведения, представив систему описаний переходных состояний в природе. Он объединяет в рамках одного текста описание пробуждения природы весной и начало ночи. А использует этот прием поэт для того, чтобы подчеркнуть, что в мире природы нет места противоречиям и контрастам: в ней все изначально гармонично и совершенно.

Соприкосновение с миром природы всегда рождает в душе лирического героя И. А. Новикова особое эстетическое наслаждение: «Дрогнув, приветно к лазури прильнуло, / В море весеннем душа утонула... / Звуками в мягкий простор поплыву, / Сны буду пить наяву» (2 : 45). Важно и то, что герой становится частью единого, наполненного высшей гармонией и движением мира. Эстетическая восторженность и преклонение перед Божественным началом – характернейшие чувства, которые возникают при созерцании переходных состояний в природе: «В теплые краски одета заря, – / Желтый топаз и отсвет янтаря. / Мягкие блики скользят по земле, / Мирно легли на истлевшем стволе» (2 : 42).

Есть в лирике И. А. Новикова и еще одна закономерность – ее уникальная красочность, «живописность». Особенно ярким цвет становится в стихотворениях, где пейзажные образы соотносятся с образами, в силу культурной и духовной традицией определяемыми как христианские. Как правило, они связаны с церковной атрибутикой или сакральными действиями (например, с молитвой). Так, в стихотворении «Ранней весной» образ молитвенной свечи обрамлен двумя цветами: голубым и золотым; в стихотворении «Белая башня в небо уходит...» вновь два цвета – белый и лазурный.

Общеизвестно, что белый, голубой и золотой цвета имеют мощную символическую традицию. В книге С. Махлиной указывается: «Белый цвет – символ надвратных энергий, знак чистоты, Божественной благодати, существующей вне времени. Белый цвет озвучивает безмолвие, тишину, присутствие Святого духа, символизируя Логос, пришедший в мир» (1 : 80), голубой – цвет Богородицы и ангельских миров, цвет чистоты и возвышенности, золотой – цвет Бога (1 : 80).

Не менее закономерным является и создание картин природы с использованием образов-цветозаменителей, и в частности – драгоценных камней. В стихотворении «В теплые краски одета заря...» ведущим является желтый топаз, в стихотворении «Слепой дождь» дождь уподоблен «жемчугу чистому» и «искрам самоцветов», листья – «изумрудам и агатам». В тексте стихотворения «Зима просыпалась звеня...» снег представляется «алмазным дождем». И это также связано с христианской традицией: «В христианстве ценились драгоценные камни:

источники собственного света (само-цветы) ценились тем больше, чем больше света они содержали. Вот почему описанный в Апокалипсисе Небесный Иерусалим – град Света – был украшен самоцветами» (1 : 64).

Важную роль в понимании натурфилософии И. А. Новикова играет и композиция цикла «Миф». Открывается он стихотворениями о весне, затем следует лето, несколько стихотворений, рисующих красоту осенней природы, далее «зимние» тексты, а завершается цикл стихотворением «Опять зеленой хоровод...», который вновь возвращает к весеннему пейзажу, наполненному солнцем, светом, осознанием радости бытия. Этим вновь подчеркивается то, что природа живет по совершенным законам. Ее существование, по мысли автора, бесконечно, потому что за временем зимнего оцепенения неизменно наступает пробуждение.

Именно природный календарь становится главным организующим началом цикла. Разноплановые пейзажи, сливаясь в единое целое, раскрывают не только жизнь природы, но и дают представление о состоянии души человека, способного видеть и чувствовать все импульсы бесконечного живого мира. Важно и то, что степень слияния человека и природы возрастает от начала к концу цикла. Если в стихотворении «Миф» лирический герой испытывает потребность обрести успокоение в гармонии природы, стремится понять ее тайны, проходит через разочарование, потому что мир города не отпускает его и лишь обращение к Богу приоткрывает для него Высшие законы Бытия, то в конце цикла лирический герой становится органичной частью природы: «И вот, сливаясь и кружась, / Теку по бархатному ложу. / Моя душа в венки вплетлась, / Я хоровод веселый множу» (1 : 61).

В стихотворениях о природе И. А. Новиков раскрыл свое представление о зримых и скрытых связях человека и природы. В своей лирике он стремился запечатлеть мир во всем его многообразии, во всех его проявлениях. Для поэта важным было подчеркнуть, что душа человека стремится слиться с непознаваемым, Божественным, потому что только оно дает почувствовать состояние абсолютной гармонии, умиротворения, покоя. Лирический герой И. А. Новикова растворяется в природе и открывает для себя великий смысл ее извечного движения, чувствует свою сопричастность тайне, скрытой от других людей. Он радуется тому, что живет по тем же законам, что и весь живой мир.

Мир природы в лирике И. А. Новикова предельно эстетизирован. И именно красота – одна из причин отчуждения героя от реального мира. Он находит в природе то, что не может отыскать в жизни людей. И чем сильнее тяга лирического героя к этому прекрасному миру, тем дальше он оказывается от жизни городов, от духовной пустоты человечества. По сути, изображение поэтом бегства лирического героя в природу – это дань романтическому двоемирию, в котором важна сама идея противопоставления двух начал – прекрасного, почти недостижимого, и обыденного.

Библиографический список

1. *Махлина С. Т.* Семиотика сакрально-религиозных представлений. СПб., 2008.
2. *Новиков И. А.* Духу Святому. М., 1908.